

Использование книги А.Н.Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу» при изучении произведений Н.В. Гоголя и И.С. Тургенева в школе»

Исследование А.Н.Афанасьева, при его несомненной познавательной ценности, может играть важную роль в выработке у учащихся адекватного представления о значимости народного творчества, фольклора в становлении русских писателей как именно национальных писателей. Нам уже приходилось говорить о привлечении материалов книги «Поэтические воззрения славян на природу» при издании «Вечеров на хуторе близ Диканьки» Н.В. Гоголя.¹ Также интересные результаты дает обращение к книге Афанасьева в процессе работы над текстом «Бежина луга» И.С. Тургенева.

Прежде всего мы обращаем внимание школьников на контраст между «прекрасным июньским днём» начала рассказа («солнце светлое и приветно лучезарное» восходит и заходит «мирно», «спокойно») и колдовской, зловещей обстановкой ночи – без присмотра доброго светила оживляется деятельность враждебных и неприятных человеку сил: носятся летучие мыши, большие белые камни сползаются в котловину «для тайного совещания», небо начинает нависать плоским, унылым сводом, а под ним, «с каждым мгновением надвигаясь громадными клубами, вздымался угрюмый мрак». Путешествие рассказчика в ночи едва не заканчивается трагически: он «вдруг очутился над страшной бездной».

Толкуя это сопоставление, логично обратиться к главам труда Афанасьева «Свет и тьма». Исследователь пишет о традиции объяснения смен настроения дня и ночи сферой приложения сил солнца – божества благого и милосердного² и сил тьмы: «мрак и холод, враждебные божествам света и тепла, творятся другою могучею силою – нечистой, злою и разрушительною»³. Соответственно, день отождествлялся с жизнью, а ночь – со смертью. Этот древнеславянский «дуализм»⁴ присущий и нам, читателям, архетипически, благодаря подробному воспроизведению его «реалий» художником слова, активизируется в нас, недаром Афанасьев пишет о надстроечности, поверхностности позитивистского взгляда на природу («нужно насилие ума над самим собою... до известной степени искусственное образование»⁵). Так писатель подготавливал сознание современника, не склонного интересоваться «бреднями» и «сказками» (времена Гоголя прошли), к восприятию народных быличек, рассказываемых мальчишками.

Так и мы подготавливаем учеников, вводя их в «настроение» времени суток, обусловившее серьезное восприятие крестьянскими детишками сказаний о нечистой силе – обусловившее не вследствие их неграмотности и ограниченности, а по причине их вписанности в мир природы и готовности принять этот мир одухотворенным. (По традиции советского литературоведения было принято идеализировать образ «материалиста» Павлуши; но, как нам представляется, не случайно именно этот «Фома неверующий» погибает. Он в силу своей подчеркнутой рациональности и разумности, в силу неумения остерегаться неведомого и оберегать себя от него запугивается страшнее всех (именно его зовет из воды утопленник) и страдает максимально. Тема смерти в ночи, заявленная в начале рассказа, реализуется в конце – Павел «убился, упав с лошади», в том же году, то есть, видимо, также в ночном.)

Далее по ходу рассказа мы оказываемся у костра. И здесь, на границе света и тьмы, все волшебным образом меняется: небо опять «торжественно и необъятно высоко», картина окружающего мира кажется не колдовской, а «чудесной» – и все благодаря пламени. Мы опять обращаемся к Афанасьеву: «Земной огонь... Русские поселяне доселе чествуют его именем

гостя. Вместе с этим он получил характер бога – оберегателя всякого иноплеменника (гостя), явившегося в чужой дом и отдавшегося под защиту местных пенатов (т.е. очага)...»⁶. Едва не погибший рассказчик находит приют и защиту от колдовства ночи у чужого – крестьянского – огня. Поэтому настроение его меняется, но убеждение в необходимости дождаться зари (дневного света) именно у костра, не отходя от него, только крепнет, так как вне его светлого круга «все казалось задернутым почти черной завесой» и отнюдь не манило на прогулку. Даже внезапный переполох собак и беготня табуна не заставили его покинуть круг огня и помочь ребенку – Павлу – выяснить, нет ли опасности. (Павел один выходит за границы оберегаемого светом круга – и раз, и два – ослабляя свою защиту против ночного зла).

Сами былички, рассказываемые мальчиками, хорошо комментируются ссылками на главы «Древо жизни и лесные духи», «Нечистая сила», «Ведуны, ведьмы, упыри и оборотни», «Души усопших». В последней главе прямо повествуется о народном поверье гадания на умерших и тех, кому предстоит умереть, что как бы иллюстрируется рассказом Илюши о бабе Ульяне. Подробный разбор не входит в задачу настоящего сообщения, ибо он хрестоматиен.

Таким образом, можно сделать вывод, что труд А.Н.Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу» служит прекрасным пособием для:

- 1) уяснения народнопоэтической основы прекрасного образца русской прозы;
- 2) понимания механизма пробуждения бессознательного, «памяти предков» в читателе для адекватного вхождения в мир народных представлений;
- 3) уточнения авторской позиции по отношению к изображаемым лицам и явлениям.

Совершается максимально возможное вхождение читателя в текст и в замысел автора, и акт со-творчества реализуется с должной полнотой – благодаря далёкому, казалось бы, от беллетристики исследованию А.Н.Афанасьева.

---

¹ Фольклор и литература: проблемы изучения. – Воронеж, 2001. – С. 69–71.

² Афанасьев А.Н. Древо жизни: Избранные статьи. – М., 1982. – С.41.

³ Там же, с.47.

⁴ Там же, с.48.

⁵ Там же, с.39.

⁶ Там же, с.177.